

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ИЛЛЮЗИИ «СПАСЕНИЯ И ЗАЩИТЫ»

О. Н. Ефремова

THE ONTOLOGICAL STATUS OF THE ILLUSION OF "SALVATION AND PROTECTION"

O. N. Efremova

В статье раскрывается онтологический источник иллюзии «спасения и защиты». Иллюзия инициирована актуализацией фундаментальных потребностей. Поддержание иллюзии во многом подчиняет себе социальное бытие человека.

The paper reveals the ontological source of the illusion of "salvation and protection." The illusion is caused by actualization of basic needs. This illusion largely tempts the social existence of man.

Ключевые слова: экзистенциальные данности, иллюзия, вера в спасителя.

Keywords: existential givens, illusion, the belief in a saviour.

В данной статье предметом исследования становится один из психических феноменов – иллюзия спасения и защиты, в источнике и генезисе которого определяющую роль играет экзистенциальная динамика. Необходимость и актуальность исследования данного феномена обусловлены широкой распространенностью социальных аддикций и виктимности, как социальных воплощений. Подчинение социального бытия поддержанию («питанию») иллюзии спасения и защиты не только выполняет свою символическую функцию, но и налагает на социальную жизнь индивида заметные, серьезные ограничения. Исследуемый феномен в контексте данной статьи не случайно назван иллюзией, так как защита и спасение от неизбежного столкновения с экзистенциальными данностями возможны лишь на символическом уровне.

Сознание человека непрестанно сталкивается с проявлениями и признаками действия конечных факторов существования – смерть, свобода, изоляция, отсутствие универсального смысла. Присутствие в бытии этих экзистенциальных данностей человек не выбирает. По словам М. Хайдеггера, человек «заброшен» в бытие [6]. Конфронтация с экзистенциальными данностями угрожает сознанию и психической организации в целом дезинтеграцией, хаосом, распадом, ассимиляцией, инфляцией. Постоянная имманентная угроза является источником онтологической тревоги. Это тревога существования осознанно и латентно присутствует в фокусе или на периферии сознания. Онтологическая тревога полифонична и являет себя сознанию в различных переживаниях – модусах. Непрестанное осознание тревоги сделало бы бытие человека невыносимым и невозможным в силу всепроникающей способности беспокойства и его побуждающей функции.

Психическая организация человека сохраняет свои параметры (единство, интеграцию, интенциональность, стабильность и др.) при условии хотя бы частичного, если не тотального удовлетворения фундаментальных потребностей. Фундаментальными, базовыми или экзистенциальными эти потребности названы (Э. Фроммом) на основании значимости их удовлетворения для существования человека как социального существа.

В классификации Э. Фромма представлены 5 потребностей, каждая из которых во взаимосвязи с другими в различной степени актуализированы в индивидуальном сознании:

- потребность в укорененности и братстве;
- потребность в преодолении и созидании;
- потребность в приобщенности, принадлежности;
- потребность в системе ориентаций и объекте поклонения;
- потребность в чувстве тождественности и индивидуальности [8, с. 97].

Удовлетворение фундаментальных потребностей обеспечивает человеку психическое равновесие, поддерживает психический гомеостаз. Фрустрация фундаментальных потребностей актуализирует онтологическую тревогу и нарушает привычный ход жизни. Фундаментальные потребности, будучи субъективно проецированными человеком в социальную среду, размещенными в ней, принимают социальные формы, т.е. обращаются в общеизвестные социальные потребности: аффилиации, принадлежности, уважении, признании, в объекте поклонения, покровительстве и заботе, в любви, в самореализации и т.д. Социальные потребности наделены особой субъективной значимостью и аффективно заряжены посредством проекции потребностей фундаментальных, фрустрация которых ставит под сомнение существование человека как человека.

В целях раскрытия экзистенциальной динамики, составляющей источник и обеспечивающий генезис иллюзии, обратимся к описанию психических процессов, выполняющих роль фундаментальной защиты. И. Ялом в своей работе «Экзистенциальная психотерапия» предлагает ценное для нашего исследования описание защитного процесса, который назван «Верой в конечного Спасителя». И. Ялом проводит аналогию защитного процесса (веры в спасителя) с установкой сознания «ради доминирующего другого», описанной С. Ариети, которые в диалектической паре представляет полюс слияния. «Существование ради «доминирующего другого» – не что иное, как попытка слиться с другим, воспринимаемым как источник защиты и жизненного смысла [11]. Таким образом, можно сказать, что иллюзия спасения и защиты явля-

ется продуктом, результатом «Веры в конечного Спасителя».

«Вера в конечного Спасителя» как защитный процесс помогает сознанию в совладании с тревогой в конфронтации с экзистенциальными данностями, но подчиняет жизнь индивида зависимости от идеализируемого объекта.

В целях иллюстрации и вместе с тем, для большей убедительности, подробно рассмотрим источник и генезис исследуемой иллюзии.

Свобода как экзистенциальная данность.

Принимая точку зрения И. Ялома, следует сказать, что свобода, сопряженная с ответственностью в отсутствии «безошибочного знания» актуализирует тревогу, которая сопровождает осознанный выбор. Не детерминированный жестко ни законами своего биологического вида, ни законами культурной эволюции, человек являет собой бесконечно открытую потенциальность и формируется «здесь». Различные факторы обуславливают существование человека, но ни один из них не предопределяет его жестко и однозначно. Сущностью человека является ничто, имеющее возможность развернуться во «что-то» [10, с. 114].

Свобода как данность бытия ставит перед человеком ряд задач, решение которых сопряжено с необходимостью совершать выбор и принимать ответственность. Это задача самоосуществления и самоопределения, отказ от решения которой оборачивается для человека переживанием экзистенциальной вины, о которой возвещает тревога.

Не менее ответственная и пожизненная задача – конституирование своей реальности, своего восприятия и оценки мира. От того, как человек расцветит мир, зависит его отношение к себе, к миру, к себе в мире. Отказ нести ответственность за совершенные выборы, за созданные образы восприятия оборачивается утратой жизненного центра, внутренней опоры, переживанием своей беспомощности («от меня ничего не зависит»), ослаблением воли и тревогой, возвещающей об отказе от свободы.

Отсутствие универсального смысла – это неизбежное следствие и проявление свободы как конечной данности (фактора существования), т. е. это необходимость самому быть автором собственных восприятий мира, автором значений и смыслов вещей, создателем собственных ценностей, выступающих опорами в осуществлении выборов. Потребность придать миру структуру, задать личные координаты, параметры – расставить пограничные столбы, сделать мир для себя четким и ясным, по возможности, прогнозируемым – эта потребность порождается сознанием, которое подчинено законам гештальта – тяготеет к завершенной форме, структуре, упорядоченности.

В творчестве Ж.-П. Сартра и А. Камю человек предстает как творец, каждодневно созидующий свою жизнь, свой смысл; совершающий выбор, будучи тотально свободным.

Свобода как данность порождает у человека потребность во внешней опоре, будь то реальный человек (с кем можно разделить ответственность) или свод правил и законов (на которые можно переложить ответственность). Ж.-П. Сартр в своих романах обращает особое внимание на тот факт, что человек обре-

чен быть свободным, и даже найденная внешняя опора не избавляет от ответственности. Он говорит о том, что человек несет ответственность перед собой и миром за все, что он делает и чего делать отказывается (в том числе и за то, какую внешнюю опору для регуляции своего поведения выбирает человек: религиозные заповеди, юридические законы, «понятия» преступного мира и т. д.).

Э. Фромм обращает наше внимание на то, что всякая удовлетворительная система ориентаций подразумевает, что во всех сферах человеческих усилий действия слагаются не только из интеллектуальных элементов, но и из элементов чувств и ощущений. Ревностное служение цели или идее, или трансцендентной человеку силе, такой, как Бог, является выражением этой потребности в полноте бытия». Ответы на человеческую потребность в ориентации и поклонении значительно разнятся по содержанию и форме [9, с. 427]. Розмари Гордон, юнгианский психоаналитик, так же связывает мазохизм с человеческой потребностью – возможно, архетипической – почитать и поклоняться некоторому объекту, некоторому существованию, трансцендирующему наше бытие [1].

Эрих Фромм в своей работе «Искусство любви» говорит о том, что мазохизм проявляет себя как потребность человека стать частью того, кто защитит его, направит и будет приказывать, чтобы сбежать от невыносимого чувства (оторванности), изоляции. Он связывает мазохизм с чувством одиночества и отсутствием ощущения значимости: «Охваченный ужасом индивид ищет что-нибудь или кого-нибудь, к кому мог бы привязаться, он уже не способен дольше быть собственным индивидуальным Я, отчаянно пытается избавиться от него и снова почувствовать себя в безопасности, сбросив бремя своего Я. Мазохизм – одна из дорог, ведущих к этой цели» [9, с. 121].

Следуя размышлениям Э. Фромма, такой индивид отказывается от собственного Я, вверяя свою волю и ответственность Другому. Потребность в системе ориентации и поклонения универсальна, тогда как частное содержание систем, удовлетворяющих эту потребность, различно. Эти различия являются различиями в ценности; зрелая, плодотворная, разумная личность выберет систему, позволяющую ей быть зрелой, плодотворной и разумной. Личность, чье развитие было заблокировано, вынуждена обратиться к примитивным и иррациональным системам, которые в свою очередь продлевают и усиливают ее зависимость и иррациональность [9, с. 430].

Таковыми примитивными и иррациональными системами для многих индивидов становятся разнообразные религиозные и нерелигиозные организации, где в последующем усиливается аддиктивное поведение и трансформируется идентичность адепта. С. Хассен подробно описывает, как адепт культа отказывается от своих прежних целей, разрывает важные отношения, отдает этой группе все свое время и средства, усиливая свою зависимость экономически [7]. Адепт нередко пренебрегает своими физическими потребностями, не получает своевременной медицинской помощи.

Анализ деятельности активных участников сект показывает, что адепты находят себя в новой реально-

сти и приобретают особую чувство безопасности, принадлежности к группе, связанное с коллективным проведением времени. Аналогичный путь своим последователям предлагают многие сетевые компании, где разработана единая символика, единые цвета и атрибуты одежды, где проводятся частые организационные сборы.

В организациях такого типа Гуру, Менеджер, Мастер и т. п. воспринимаются членами сообщества как божественная фигура сверх-отца, обладающего непререкаемым авторитетом, как Спаситель или Защитник. Аддикты воспринимают свое сообщество как идеальное общество братьев и сестер (друзей), воодушевленных одной идеей и стремящихся к одной цели.

Экзистенциальная изоляция как данность.

Здесь мы говорим об изоляции как следствии выделенности человека из мира природы, как следствии обособленности его самосознания. Межличностная изоляция переживается тягостно и тревожно именно потому, что за этим переживанием скрыта изоляция экзистенциальная – «чувство утраты домашности, уюта, потребность вернуться в «дом», «ненадежности мира». Точное и яркое описание переживанию экзистенциального одиночества дает Франц Кафка в своих дневниках: «Но из общества я был изгнан одним пинком, дядин *приговор* отозвался в моей душе уже почти во всем действительном значении, в самом чувстве семьи мне раскрылся весь холод нашего мира, я должен согреть его пламенем, на поиски которого я еще только собирался отправиться» [4, с. 19]. Он отмечает характерное настроение, переживание, которое сопутствует одиночеству – вселенское равнодушие, безразличие мира, «холодность мира». Переживанию одиночества неотъемлемо сопутствуют боль и тревога: «сегодня после полудня *боль из-за моего одиночества* охватила меня так пронзительно и круто, что я отметил: таким путем растрачивается сила, которую обретаю благодаря писанию и которая предназначалась мною во всяком случае не для этого» [4, с. 21].

Ф. Кафка переживает изоляцию как «изгнание», сопровождающееся тревогой: «А я лежу здесь на диване, *одним пинком вышвырнутый из мира*, подстерегаю сон, который не хочет прийти». Позволим себе еще одну иллюстрацию переживания экзистенциальной изоляции, которое содержит важный оттенок – «отделенность», «отдаленность», «дистанцированность» от других безо всякой надежды преодоления. «*Я отделен ото всех вещей пустым пространством*, через границу которого я уже и не стремлюсь пробиться» [4, с. 35].

Задача человека – не столько сохранить, сколько создать собственное Я. Человеку не задан, не предрешиен ни один из путей самоосуществления. Самоосуществление возможно (но не гарантировано) в процессе одинокого, без спутников и соучастников, следования по собственному пути, где не было предшественников и не будет последователей.

Один из смыслов термина «экзистенция» («ex-ist» = «stand out», выделяться) предполагает бытие человека, выделенное, специфически обособленное. Процессы роста и самореализации усиливают чувство индивидуации, самоконтроля и вместе с тем усиливают

переживание экзистенциальной изоляции. Отказ от роста обрекает на стагнацию и ограниченность, а платой за рост и развитие становится тревога экзистенциального одиночества.

В работе Ф. Римана «Основные формы страха» представлены два континуума: рост – стагнация и автономия – слияние. Каждый полюс континуума представляет собой резко выраженную, актуализированную потребность, которой угрожает фрустрация. Характер опасности заключен как раз в противоположном полюсе континуума. Рассмотрим подробнее.

Континуум автономия – слияние. Индивиды с потребностью в автономии переживают тревогу в ответ на фрустрацию, источником которой является нарушение границ и опасность слияния. На противоположном полюсе континуума потребность в слиянии с другим и самоотдаче, в нивелировании границ. Удовлетворение потребности нарушает всякое расставание, утрата, игнорирование, отстраненность и дистанция со стороны значимого человека. Тревогу вызывает все то, что изнутри или снаружи препятствует слиянию с другим; все то, что разделяет, изолирует, дистанцирует.

Для человека с потребностью в слиянии преобладает самоотвержение и самоотдача в ущерб потребностям становления своего «Я». «Первичным следствием этого является то, что партнер ... (такой личности) становится сверхценным объектом. «Любящая самоотверженность стремится посвятить себя партнеру, и без связи своего существования с другим человеком невозможна. Отсюда устанавливается и распространяется зависимость, которая является их центральной проблемой... Доминирующим является страх утраты в различных его внешних проявлениях, страх перед изолирующим дистанцированием, беззащитностью и одиночеством, страх быть покинутым. Это заставляет их искать неограниченной близости, создавать необыкновенно крепкие узы» [5, с. 229].

«Если Ты не можешь быть моей, совсем моей и навеки, то я хочу быть твоим рабом, служить тебе, все от тебя сносить, только не отталкивай меня от себя» [3, с. 63]. Даже взгляд – как признак и свидетельство внимания – переживается как условие существования. Полуобояринова Л. Н. в предисловии романа «Венера в мехах» Захера-Мазоха замечает: «Устремленный на него «жестокий», «суровый» взгляд Ванды – главное условие жизни и бытия для Северина, отсутствие же такового равнозначно для него небытию, маркирует смерть» [3, с. 63].

Конечность существования как экзистенциальная данность. Экзистенция раскрывается как бытие, идущее к смерти (Sein Zum Tod – введено М. Хайдеггером). Все бытие проходит под знаком смерти. Тревога вхожа в самый эпицентр бытия [6, с. 131].

Смерть, как данность бытия человека, несомненно, конфронтирует с фундаментальной потребностью человека в обретении безопасного и надежного существования, в обретении собственного контроля и власти самому решать: умереть или жить, когда и как умереть и т. д. Но человек не обладает властью и контролем, ему неведомы сроки его жизни, даты смерти.

Человек не просто смертен, он внезапно смертен. Эту данность самосознание человека не может игно-

ривать, потому отвечает тревогой. Смерть не является лишь конечным фактом жизни, этот процесс постепенного умирания человек так же не способен оставить без внимания. С каждым днем жизнь становится короче, а смерть ближе. Признаки постепенного умирания – болезни, старение – не всегда в центре внимания, но оказывают скрытое влияние на сознание человека – инициируют тревогу, актуализируют ее переживание. Кроме собственного тела, сознание человека замечает признаки увядания и умирания живого в окружающей его природе, частью которой он сам является.

Осознание своей внезапной смертности как данности бытия напоминает человеку, что его «существование не может быть отложено» [10, с. 183].

Мэри Уильямс в ее статье «Страх смерти», пишет: «Я считаю, что есть два пути избежать страха смерти. При садистическом методе индивидуум формирует контр-фобическую идентификацию со смертью как с разрушителем. Тогда жертва становится смертной и должна умереть в страхе и боли, тогда как разрушитель испытывает экстаз бессмертия. Мазохист идентифицируется со смертной жертвой и проецирует бессмертие на неуязвимого разрушителя; таким образом, разрушитель выступает в роли спасителя, способного избавить его от смертности» [13].

И. Ялом описал варианты поведения, связанного с гипертрофированной верой в конечного спасителя: «самоумаление, страх лишиться любви, пассивность, зависимость, самопожертвование, неприятие своей взрослости, депрессия после краха системы представлений. Любой из этих вариантов, будучи акцентирован, может вылиться в определенный клинический синдром». В случае преобладания самопожертвования тип защиты может быть охарактеризован как «мазохистический» [10, с. 318].

Один из самых значимых вкладов в понимание мазохизма сделал психоаналитик Масуд Хан в своей работе «От мазохизма к психической боли» (1979). Он утверждает, что человек нуждается в психической боли, т. к. через нее получает неопровержимое молчаливое доказательство существования «другого», и что именно эта потребность привела к «созданию всепроникающего присутствия Бога в человеческой жизни». Поскольку происходит все большее исчезновение Бога из внутреннего мира человека в качестве свидетельствующего другого, он считает, что «психическая боль меняется от переносимой и приемлемой до ее патологических замещений» [12].

В подтверждение сказанного приводим описание религиозного ритуала. «Целые процессии флагеллантов переходили из одного города в другой, в каждом из них пополняя свои ряды новыми самоистязателями. Иногда в количестве нескольких тысяч они приближались к церкви, вставали полукругом перед входом в нее – и начинался организованный обряд ритуального бичевания. Обнаженные по пояс бичующиеся совершали ритуал, исполняя торжественные песнопения и гимны, впадая в полную прострацию покаяния и поднимались, чтобы снова запеть гимн. В конце концов, ритуал завершался жестоким самобичеванием всех участников, иногда длившемся несколько часов. По его окончании их изможденные те-

ла были расprostерты лицом к земле, полные стыда и восторга были изуродованы так, что мясо висело ключьями, их розги, окрашенные в кроваво-красный цвет, были подняты в экстазе» [2]. Широко распространенным и универсальным явлением в религии является фрустрация и отрицание физических и эмоциональных потребностей, а также действительное причинение боли себе или другим.

Многие крайние религиозные формы мазохизма обусловлены актуальным переживанием экзистенциальной вины, которое нередко ошибочно подменяется социальной виной и отождествляется с таковой. И в случаях религиозного мазохизма иллюзию спасения и защиты поддерживают посредством воображаемой коммуникации с фигурой спасителя. Совершаются акты самонаказания «перед лицом спасителя» с надеждой на отпущение, прощение, очищения от гнетущих мыслей и чувства вины. Спокойствие и безопасности получают как заслуженное следствие самоистязаний.

Приведем еще один пример крайнего выражения веры в конечного спасителя, где его роль играет женщина, а также иллюстрацию гипертрофированной фундаментальной потребности «в объекте поклонения», которой служат поведение и желания героя романа Л. фон Захер-Мазоха «Венера в мехах» Северина Куземского. Он выражает свое стремление оказаться во власти властной женщины, будучи готовым вверить ей свою жизнь и свою смерть: «Я хочу, чтоб твоя власть надо мной была освящена законом, чтобы моя жизнь была в твоих руках, чтобы ничто в этом мире не могло меня защитить или спасти от тебя. О, какое огромное наслаждение было бы чувствовать, что я всецело завишу от твоего произвола, от твоей прихоти, от одного мановения твоей руки» [3, с. 95].

Последний пример подтверждает, что иллюзорную безопасность, защиту и покровительство человек получает за преданность, служение и покорность своему Спасителю в актах самонаказания, самоограничения и самоотречения. В данном примере – это отказ от собственной идентичности, самоотречение в надежде на тотальную защиту в лице Спасителя (тирана, деспота), это акт слияния и в некоторой степени ассимиляции с личностью Спасителя.

Следует подчеркнуть, что поддержание иллюзии спасения и защиты чаще не осознается, не рефлексивируется сознанием. В противном случае многие сознательные установки вступили в конфликт с крайними формами социального поведения. Иллюзия спасения и защиты (как и многие другие) является частью Я-концепции, частью мировоззрения, Я – образа индивида, т. е. эго-синтона.

Иллюзия спасения и защиты обеспечивает удовлетворение фундаментальных потребностей и потому так сильна и аффективно заряжена. На поддержание этой иллюзии работают так же защитные психологические механизмы, способные ограничивать, искажать, обесценивать, идеализировать социальную информацию, которая идет вразрез с имеющей место верой в конечного спасителя. Иллюзия спасения и защиты выполняет важную роль, но вместе с тем уязвима и налагает ряд заметных ограничений на социальное бытие человека.

Литература

1. Гордон, Р. Мазохизм: Теневая сторона почтения и поклонения / Р. Гордон // *Psychopathology: Contemporary Jungian Perspectives* (Ed. by A. Samuels), 1989.
2. Гуревич, П. С. Мазохизм как антропологическая загадка / П. С. Гуревич // *CREDO NEW* теоретический журнал. – 2008. – № 4.
3. Захер-Мазох, Л. фон. Венера в мехах / Л. фон Захер-Мазох. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 224 с.
4. Кафка, Ф. Дневники 1913 – 1923 / Ф. Кафка. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. – 336 с.
5. Риман, Ф. Основные формы страха / Ф. Риман. – М.: Алетейа, 1999. – 336 с.
6. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Ad MACENTUM, 1997. – 452 с.
7. Хассен, С. Освобождение от психологического насилия / С. Хассен. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002.
8. Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 69 – 208.
9. Фромм, Э. Человек для себя / Э. Фромм. – М.: Республика, 1993. – 412 с.
10. Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом. – М.: Класс, 1999. – 576 с.
11. Arieti, S. Psychotherapy of severe depression. *American Journal of Psychiatry* / R. Arieti. – 1977. – С. 134, 864 – 868.
12. Khan, R. Masud M. Alienation in perversions / R. Khan, M. Masud. – N.Y., 1979.
13. Williams, M. Death anxiety / M. Williams // *Journal of Analytical Psychology* (1958, 1962). – 1958. – P. 160.

Информация об авторе:

Ефремова Ольга Николаевна – кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии и социологии КемГМА, 8-961-708-31-12, Petrola7877@yandex.ru.

Olga N. Efremova – Candidate of Philosophy, Lecturer at the Department of Philosophy and Sociology, Kemerovo State Medical Academy.